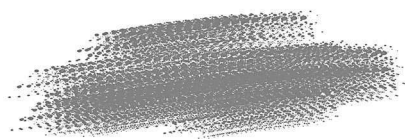

БОЕВАЯ ХРОНИКА

РОМАНЫ О ПАМЯТНЫХ БОЯХ

*Памяти моего дяди,
Гришина Михаила Андреевича,
механика-водителя «тридцатьчетверки»,
сгоревшего в танке в 1943 году
в сражении под Ленинградом,
ему было всего лишь 19 лет.*

ГЛАВА 1

Григорий сидел на холодной броне танка Т-34, жмуря нагловатые в синюю крапинку глаза, с удовольствием играл на трофейной губной гармошке.

Руки у парня по-мужски крупные, со сбитыми костяшками, с выпуклыми обгрызенными ногтями на пальцах, на которых не успевают заживать заусеницы. Крошечная гармоника полностью помещалась в широких ладонях, он держал ее бережно, словно хрупкого воробышка. Из-под кожаного шлемофона, сдвинутого на затылок, торчал вихор волос цвета соломы.

Час назад их танковый полк при поддержке пехотинцев выбил из села Молодцово отчаянно сопротивлявшихся немцев. Батарея противника размещалась в укрытии среди саманных хат и за время долгого изнуряющего боя, в деревне не осталось ни одного целого дома. Вокруг виднелись лишь дымившиеся обугленные остовы с кое-где уцелевшими печными трубами. От горевшего возле кирпичных развалин заброшенной церкви фашистского танка клубами валил едкий смрад, заволакивая копотью низкое небо. В толстой броне зияла оплавленная пробоина, проделанная под-

калиберным снарядом, выпущенным экипажем Гришки. Полдневное апрельское солнце едва проглядывало сквозь черную пелену, смотрелось мутным темным диском. Пахло снегом, сырой землей, горелым металлом и бензином.

Губную гармошку Григорий раздобыл в бою под Мценском. Был ноябрь 1942 года. Тогда их полк прямо с марша взял деревеньку, и фашисты, не ожидавшие столь стремительной атаки советских войск, сдались практически без боя. Григорий так же сидел на броне, устало свесив между колен тяжелые натруженные руки, равнодушно наблюдал за пленными немцами. Они толпой, похожей на сбитое овечье стадо, медленно двигались с опущенными головами, шаркая по мерзлой дороге подошвами подкованных сапог.

Дул пронзительный леденящий ветер, приятно холодивший распаренное боем лицо. Немцы же зябко кутались в воротники серых, мышинового цвета шинелей, очевидно, с проклятьем вспоминая тот поганый день, когда они доверились Гитлеру, напали на мирный Советский Союз.

Тем удивительнее для Григория было видеть, как один из фрицев, высокий и худой, с опущенными на уши отворотами суконной пилотки, вынул из кармана шинели губную гармошку и, не боясь, что к ней примерзнут заиндевевшие губы, заиграл какую-то немецкую мелодию. Солдаты, шедшие до этой минуты понуро, подняли головы, шаги их стали намного увереннее.

Григорий недовольно прыгнул с танка, быстро подошел к фрицу. Немцу было лет сорок, он был носатый, с впалыми щеками, неопрятно заросшими колючей щетиной.

— Дай сюда, — потребовал Гришка и протянул темную от ввевшегося машинного масла широкую ладонь. — Нечего хороший инструмент марасть своей фашистской музыкой, ферштейн?

— Я, я, — заискивающе залепетал фриц и трясущимися от страха руками отдал гармошку. Руки у него были в рыжих пятнах, неприятно заросшие жесткими рыжими волосами. — Битте, битте!

— То-то, — удовлетворенно пробормотал Григорий, окинул пленного угрюмым взглядом, вернулся на танк.

До войны Григорий слыл на деревне первым гармонистом. Особенно любил он исполнять песни на стихи Сергея Есенина, любил так, как только может любить их человек, всю свою сознательную жизнь проведший в деревне, среди душистых лугов, тенистых лесов и озер с чистой ледяной водой. Григорий брал в руки «тальянку», чувствуя, как по всему телу пробегает приятная легкая дрожь, бережно растягивал расписные меха, начинал играть, негромко, с надрывом напевая, сам чуть не пуская скупую мужскую слезу. Это у него выходило настолько проникновенно, что девчата, пришедшие на посиделки, рыдали, не стесняясь, обнимали и целовали гармониста под ревнивые взгляды других парней.

Такая тяга к поэзии самобытного, к тому же своенравного поэта чуть не закончилась для Григория трагедией. Однажды его вызвали на комсомольское собрание в Саюкинскую МТС, где присутствовал инструктор из райкома, специально приехавший для этого на мотоцикле. Он долго и нудно выговаривал ему за распространение чуждых советскому строю «упадниче-

ских религиозных настроений», требовал повиниться и впредь отказаться от исполнения подобных песен, чтобы остаться в передовых рядах прогрессивной молодежи.

Григорий, ошарашенный мыслью, что легко может лишиться комсомольского билета, целый час горячо убеждал приезжего инструктора, что Есенин самый настоящий пролетарский поэт и ничего крамольного нет в его стихах «Ты поила коня из горстей в поводу». Но на всякий случай все-таки пообещал впредь эту песню на людях не петь. Ему поверили, дело спустили на тормозах, приняв во внимание, что Григорий числился в передовиках производства, имел семь классов образования. Крамольными словами этот бездушный инструктор посчитал строки:

В пряже солнечных дней время выткало нить.
Мимо окон тебя понесли хоронить.
И под плач панихид, под кадильный канон,
Все мне чудился тихий раскованный звон.

Думать о том, что на него донес кто-то из своих ровесников-сельчан из зависти или по другой причине, не хотелось. Григорий беззлобно усмехнулся, вспомнив то несправедливое собрание, блеснул из-под чуба светлыми озорными глазами, принялся с еще большим воодушевлением поочередно себе подыгрывать и негромко напевать:

Заметался пожар голубой,
Позабылись родимые дали.
В первый раз я запел про любовь,
В первый раз отрекаюсь скандалить.

ЧЕРНЫЙ ШЛЕЙФ АТАКИ

Из башенного люка показалась грязная рука с большим ключом, следом — голова в потертом шлемофоне и широкое улыбочивое лицо, измазанное техническим маслом. Это был заряжающий сержант Илькут Ведясов, двадцатилетний уроженец из Мордовии, веселый, не в меру добродушный, отчего к нему все обращались по-товарищески Илька. Он тыльной стороной свободной руки провел под вздернутым носом и принялся ключом оживленно отбивать на броне ритм, качая в такт головой, часто моргая глазами с белесыми ресницами.

Ободренный дружеской поддержкой, в грохоте которой голос Григория практически затерялся, парень шутовски прикрыл глаза, мотая головой, запел совсем громко, словно находился на сцене:

Поступь нежная, легкий стан,
Если б знала ты сердцем упорным,
Как умеет любить хулиган,
Как умеет он быть покорным.

На импровизированный концерт обратили внимание другие танкисты. Даже всегда сдержанные и молчаливые мужики в годах не смогли сдержать улыбок, глядели на развлечение молодежи с одобрением. Каждый из бойцов в душе с болезненным откровением понимал, что завтра для них может уже никогда не наступить.

Расположившись на броне своих танков в самых живописных позах, они стали слушать, время от времени отпуская в сторону артистов ласковые слова, сдобренные крепкими выражениями.

— Братка, — сказал немного погодя Илькут, обращаясь к Григорию, — дальше заправляй здесь сам. Мне надо еще патронник проверить. А то явится командир и взбучку нам такую задаст, мало не покажется. — Он последний раз грохнул ключом по броне, скрылся в люке.

Зрители с сожалением стали помаленьку расходиться. Григорий остался один, продолжая играть, но уже без прежнего воодушевления. В отличие от большой громоздкой «тальянки», которую с собой в танк не возьмешь по причине небольшого в нем пространства, крошечная гармоника, выглядевшая как детская игрушка, легко умещалась в кармане комбинезона. Удобно и практично.

Гришке недавно исполнилось девятнадцать, значился он в отделении механиком-водителем среднего танка Т-34. Думать о смерти в его годы было бы неправильным и пустым занятием, хотя и в его юной жизни бывали случаи, когда смерть подбиралась настолько близко, что явственно ощущался ее обжигающий холодок. Вот и сегодня костлявая напомнила о себе, пролетев мимо в виде снаряда, который лишь опалил горячим воздухом, коснувшись мощной брони металлической машины. Только слаба она против материнского оберега — миниатюрной иконки Николая Чудотворца и листочка из ученической тетради в клеточку с молитвой «Живой в помощи», — зашитого им в подкладку гимнастерки под комбинезоном.

Размышления Григория прервал хриплый голос, явно обращенный к нему, в котором явственно проступали презрительные и сожалеющие нотки:

— Эй, музыкант, не противно тебе фашистскую мерзость мусолить?

Около танка приостановился высокий красноармеец в замызганной снизу грязной шинели, с карабином и вещмешком за спиной. Левая рука у него была перебинтована и покоилась на перевязи у груди. Он едва ли не враждебно смотрел из-под каски с вмятиной в боку на Григория, впалая щека у него дергалась, мелко дрожали черные усики. Было видно, что раненая рука невыносимо болела, и от этого красноармеец находился в плохом настроении.

Всегда находчивый и развязный, Гришка в этот раз ответил без шуток, обстоятельно.

— Не бойся, братка, у меня с этим делом строго. Я эту гармошку два дня в спирте вымачивал, прежде чем играть на ней наши советские песни.

Его товарищи тоже приостановились, с интересом прислушиваясь к разговору.

— Ты гляди-ко, — удивился другой красноармеец, — живут же люди, спирт тратят ведрами. А тут до того продрог, что хоть бы малую стопку в рот принять для сугрева. Все бы польза нашему брату пехотинцу была.

— Э-эх, — вздохнул с горечью рябой парень. — У этих танкистов все не как у людей. Пошли, хлопцы.

Красноармейцы снова двинулись по разбитой танками дороге, оскальзываясь сапогами в раскисшей грязи.

Глядя на уставших, измотанных в тяжелых боях людей, которые сегодня вместе с ними яростно сражались бок о бок против лютого врага, Григорий вдруг почувствовал к ним сострадание. Как будто его была

вина в том, что враг оказался силен, дошел почти до столицы родины Москвы, и теперь его приходилось выдворять с потом и кровью.

— Эй, царица полей! — окликнул он и, когда красноармейцы в недоумении обернулись, обнадеживающе громко сказал: — Попрошу минутку внимания!

Он проворно поднялся, сунул голову в люк, что-то невнятно сказал внутрь, затем выпрямился; в руках у него была алюминиевая выдавшая виды мятая фляжка.

— Держи, пехота!

Высокий, с усиками, красноармеец, даром что был с одной рукой, на лету ловко подхватил здоровой рукой фляжку с плескавшейся в ней ценной жидкостью. Глаза его обрадованно блеснули. Он неуклюже прижал забинтованной рукой фляжку к груди, открутил пробку, прижмурив от удовольствия глаза, сделал маленький глоток, затем передал фляжку товарищу, другому красноармейцу. Фляжка со спиртом, бережно передаваемая из рук в руки, обошла по кругу из семи человек и вернулась к своему хозяину.

Зная, насколько трудно обстоят дела со спиртом и какое он имеет значение для человека на войне, никто из красноармейцев не посмел проявить чрезмерную жадность, фляжка опустела ненамного. Вскоре повеселевшие красноармейцы отправились дальше.

— Бывай, парниша! — обернулся, отойдя шагов на десять, раненный в руку боец, поднял над головой здоровую, сжатую в кулак. — Но пассаран! Они не пройдут! Теперь и до Берлина шагать не так будет скучно, хоть сейчас в бой!

Вокруг него все засмеялись, о чем-то оживленно заговорили, удаляясь все дальше и дальше, пока поредевшее отделение не скрылось за дымившимся фашистским танком.

Григорий опять было собрался сыграть что-нибудь бодрое для души, но в эту минуту из проезжающей мимо полуторки, гремевшей деревянными бортами, прямо на ходу из кузова выпрыгнул молоденький танкист в двубортной зимней куртке и шлемофоне. Он в знак благодарности помахал водителю, торопливыми шагами направился в сторону Григория и его танка.

Это был стрелок-радист, старший сержант Ленька Бражников, коренной москвич. Они были ровесники. Но в отличие от крепкого деревенского жителя Григория, у Лени были красивые тонкие черты бледного лица, отчего он выглядел как артист кино и театра. Ленька об этом знал и почему-то стеснялся. Что, однако, не помешало ему добровольно уйти на фронт со второго курса технического института.

Григорий еще издали приметил в его синих пронзительных глазах, по-девичьи опушенных густыми ресницами, веселые огоньки. Ленька по-детски счастливо улыбался, со значительным видом похлопывал по карману куртки. Сегодня в бою у них отказала радиостанция, когда вражеский снаряд по касательной ударил в башню. Срочно требовалось станцию исправить, и пару часов назад командир отправил стрелка-радиста на попутной машине в электротехнический взвод за радиолампой.

Вспомнив этот бой, Григорий невольно пошевелил крутыми плечами, основательно намятыми сапогами командира. Даже выпростал из воротника шею и по-

крутил головой, чувствуя, что плечи болят до сих пор. Командир танка оказался довольно сообразительным мужиком, руководил боем в отсутствие неисправного переговорного устройства своеобразно: поставил на плечи механика-водителя свои ноги в сапожищах и попеременно давил той ногой, в какую сторону следовало повернуть. В этом отношении, конечно, повезло заряжающему Ведясову: сунул ему командир кулак под нос, значит, будь добр зарядить пушку бронебойным снарядом, а если растопыренные пальцы, значит, осколочным.

— Сияешь, как начищенный котелок, — сказал, широко улыбаясь, Григорий как только Ленька подошел. — Надо думать, не вхолостую съездил? А то наш лейтенант мне плечи так оттоптал, будто цыганочку станцевал. Да не просто станцевал, а с выходом, — пошутил он и спрыгнул с брони на землю, в талый грязный снег.

Ленька достал из кармана теплую рукавицу, вынул из нее бережно завернутую в ветошь радиолампу, показал Григорию.

— Вот она, родная, — сказал он ласково, с любовью разглядывая лампу со всех сторон, и, заметив, что Григорий тянет руку, испуганно прижал лампу к груди. — Еще уронишь!

— Трясешься над своим хозяйством, как курицанаседка над цыплятами, — беззлобно засмеялся Григорий и дружески хлопнул товарища по плечу. — Давай, налаживай свой аппарат.

Ленька, скинув куртку, остался в одном комбинезоне и полез в танк через люк механика-водителя, а Григорий пошел вокруг приземистого корпуса грозной

машины, скрупулезно исследуя каждый болт, каждую заклепку, чтобы своевременно обнаружить неисправность и предотвратить возможную поломку в бою, тем самым сохранив себе и товарищам жизни.

— Михайлов, — окликнул его голос мужчины, скрытого танком, — Бражников вернулся?

— Так точно! — отозвался Григорий, монтировкой выковыривая застрявший в траках булыжник, неизвестно в каком месте подцепленный. Казалось бы, что значит для танка какой-то булыжник, а ведь из-за него запросто может при повороте оборваться гусеница. — Он уже занимается радиостанцией.

Из-за танка вышел лейтенант лет двадцати шести. Это был их командир Петр Дробышев, низкорослый, сухой и жилистый белорус. В мирное время он работал шахтером-проходчиком на Кузбассе. Там у него сейчас остались жена Лиза и двое малолетних детей — сын пяти лет Вовка и трехлетняя дочь Нюрка. Оттого, что Дробышев большую часть времени проводил под землей, должно быть, и был он характером угрюмый, молчаливый, вид имел суровый.

Лейтенант только что вернулся от командира роты. Походка у него была такая, что ни с кем не спутаешь, из-за нее его узнавали издали все танкисты полка, а может, и дивизии. Он ходил, как будто втыкал свои кривые, как у кавалериста, ноги в землю, чтобы крепче на ней стоять. Дробышев был одет в танкистскую куртку, зато в пилотке, небрежно сдвинутой на правую сторону, что без слов говорило о том, что лейтенант находился в волнительном состоянии. Офицерский планшет болтался на ремне на боку, как и кобу-

ра с наганом. Он молча взял у Григория монтировку, постучал в броню.

— Свистать всех наверх! — рявкнул хриплым простуженным голосом Дробышев, и Григорий невольно подобрался.

Внутри раздался крепкий матерок Илькута, а вскоре появился он сам.

— Слушаю! — козырнул он, увидев рядом с Григорием рассерженного командира. Следом из люка механика-водителя высунулся по пояс Ленька, он тоже увидел Дробышева с недовольным лицом и торопливо выбрался на броню, затем спрыгнул на землю, став по стойке «смирно». — Слушаю, товарищ лейтенант!

Бегло оглядев экипаж, Дробышев, бурча что-то невнятное себе под нос, раскрыл планшет, вынул карту и, смахнув рукавом с наклонного бронированного листа пыль, разложил ее на нем, тщательно расправил ребром коричневой зачерствелой ладони. Волнуясь и непроизвольно дергая от этого головой, стал зло говорить, тыкая пальцем в карту:

— По сведениям нашей разведки, за этим лесом, где находится высота 33,3, неприятель укрепляет линию обороны. Наша цель ночью, прикрываясь грохотом полковой артиллерии, незаметно подобраться к лесу и затаиться до утра. А на рассвете мы пойдем в атаку, и должны мы фрицев свергнуть с этой высоты, как Михаил Архангел дьявола. А сейчас с минуты на минуту подойдут машины с горючим и боезапасом, пополняем свой боезапас, заправляемся и... с богом. — Он впечатал крепкий кулак в броню, как бы наглядно подкрепляя сказанные слова. — Всем ясно?